

Новая книга К.В.Хвостовой является закономерным результатом и логическим продолжением предпринятых ранее исследований византистики, известной широкому кругу отечественных и зарубежных ученых серией своих статей и монографий¹. В своей книге К.В.Хвостова обращается к изучению фундаментальных и вместе с тем актуальных проблем византийского общества. Среди них - развитие прони, положение париков и их налогообложение, социально-экономические категории сельского населения, особенности поздневизантийского города. Но главное - в центре внимания исследовательницы находятся ведущие экономические и социальные идеи Византии, восприятие византийцами окружавших их реальностей, воззрения средневекового человека и постижение им современных ему экономических и социально-политических явлений и, наконец, философия истории.

К.В. Хвостову интересуют прежде всего те процессы и отношения, которые не получили адекватного отражения в представлениях византийцев и составляли специфику в сравнении с аналогичными явлениями реальности и менталитета на Западе. Равным образом исследовательница показывает развитие византийцами восходящих к восточному христианству мировоззренческих идей — богословских, философских, политико-правовых — и господствующей доктрины. Их изучение идет по пути междисциплинарного исследования с использованием методов семантического и количественного, историко-сравнительного ретроспективного анализа. Этот подход призван решить задачи исследования накопленных византийскими материалами на двух уровнях: эмпирическом, предполагающем рассмотрение понятийного аппарата средневековой эпохи, и теоретическом. Он базируется на современных научных категориях и терминологии истории и социологии, нацелен на объективную оценку социально-политических процессов, культуры, менталитета и определение их исторического значения.

Среди выдвинутых К.В. Хвостовой главных положений о ведущих экономических и социальных идеях Византии выделяется проблема источников их формирования. В числе таковых в первую очередь названа общехристианская

традиция со свойственными ей представлениями о бедности и богатстве, одобрением благотворительности и труда, в особенности земледельческого. Не упущены из виду также позднеантичное и ранневизантийское правовое наследие, обусловившее тенденцию к четкому разграничению публично-государственных начал и частной собственности, равно и специфическое восприятие налоговой системы. Шкала ценностей поздневизантийского общества включала концепцию законодательно регулируемых распорядков и признание обычая, истоки которых восходят к римскому и каноническому праву. Особое внимание исследовательница уделяет вопросу о земельной собственности. Ее правовой статус в поздней Византии предопределялся пожалованием и сохранением контроля со стороны государства, а также идеей общественных перемен, служившей оправданием для вмешательства в собственнические права. Их терминологический анализ обнаруживает, что практическое правосознание эпохи Палеологов было связано с непосредственным обобщением социального опыта и всей системы общественных отношений.

Одно из главных наблюдений, сделанных К. В. Хвостовой в области изучения прони и икономии, заключается в утверждении об отсутствии в Византии верховного права собственности государства на землю. Исследовательница доказывает, что представления византийцев о прони, икономии, других формах социально-экономических, правовых и фискальных взаимоотношений государства и его подданных, по-видимому, дедуцировались непосредственно из постулатов официальной политико-правовой теории и общемировоззренческих идей. Теоретические представления о строгом разграничении общественного и частного управления, оставаясь типичными в поздней Византии, не могли воспрепятствовать стиранию отличий публичной и частной сферы правопорядков и видоизменений в налогообложении. В сравнении с периодом XI—XII вв. поздневизантийская эпоха характеризуется повышенной социальной ролью прони-икономии, статус которой не получил адекватного отражения в нормативном праве. Выявляя симптомы кризиса института попечения, К.В.Хвостова говорит о содействии процесса осмысления византийцами социально-экономических явлений переплетению частных и публичных прав, соединению владельческих и управленческих prerogatives. По мнению исследовательницы, использование и расширительное толкование философско-богословского и политико-правового в своей основе понятия "прония" отражает очевидное стремление византийцев заручиться правовыми и нравственными гарантиями в отношении специфических форм владения.

© Ю.Я. Вин, 1998

¹ См.: Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968; Она же. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. Обзор трудов К. В. Хвостовой, опубликованных в последние годы см.: Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований. М., 1991. С. 182—191, 219—221.

Анализ социально-экономического положения париков не только насыщен детальным изучением правового статуса их отдельных групп, но и сопровождается наблюдениями над его восприятием. К.В. Хвостова отмечает, что взыскание барщины придавало парикам подчиненное состояние, не получившее юридического оформления. А свойственной для византийского общества многозначности представлений о личной свободе соответствовали массовые миграционные движения крестьянства. Впрочем, в правосознании византийцев отражались и ограничения их личной свободы. Византинистка констатирует эволюцию правовых представлений о земельном статусе париков: от признания прикрепления к земле до идеи их тягловой зависимости.

Необходимо признать не только оригинальной, но и плодотворной попытку исследовательницы непосредственно связать процессы реального социально-экономического расслоения крестьянства, экономическое районирование и административное деление поздней Византии — явления, отмеченные печатью глубоких перемен, с видимой традиционностью византийского правосознания, живучестью фискальных представлений. Результатом стали наблюдения, обнаружившие определенную взаимообусловленность крестьянской экономики и деления страны на катепаникии.

Изучение отношений собственности и категорий сельского населения направлено на объяснение путей возникновения технических обозначений социально-экономических отношений. Используемые византийцами социально-экономические понятия заимствовались из богословской лексики и благодаря античной интерпретационной традиции образовывали сложную иерархию представлений, явивших образец двойственности и гетерогенности византийской цивилизации. Исследовательница раскрывает глубокий пласт воззрений византийцев, обобщающий их эмпирический социальный опыт. Его значение для формирования синхронной ему ментальности было обусловлено, как показывает византинистка, высоким авторитетом преемственности и обычая.

К сожалению, в рассказе об экономике византийского города наблюдения над менталитетом современников исчерпываются несколькими фразами. Выявляя соотношение тенденций к натурализации и к развитию денежных связей, исследовательница допускает возможность восприятия в сознании византийцев идеи предпринимательства. Однако рассмотренные документы не представляют убедительных к тому доказательств. В то же время риторика и античные аллюзии поздневизантийских источников не препятствовали верному отображению общей экономической и социальной ситуации. Мировоззренческие идеи и их интерпретация выражались, как правило, опосредовано. И с этим утверждением К. В. Хвостовой следует со-

гласиться, равно как и с ее тезисом об очевидном изъятии византийцами чувства живой сопричастности социально-политическим пертурбациям современной им эпохи.

Постижение социально-политических явлений византийцами свидетельствует о сугубо средневековом способе их мышления. Констатируя отсутствие теоретического обобщения внешней политики империи, исследовательница указывает на выделение византийцами социально-экономических факторов, таких как дефицит денежных средств, продуктов питания, недостаточность размеров войска. При оценке политической и социальной обстановки в стране проявлялась свойственная византийцам нравственно-психологическая мотивация происходящих событий, опирающаяся на этические нормы и представления. Заметна усталость и страх перед разорением и войнами. Присущее византийскому менталитету миролюбие выливалось в близкую к распространной на Западе концепцию разделения справедливых и несправедливых войн, защиты своей территории от иноземных посягательств.

Особое место в монографии К.В. Хвостовой занимает раздел поздневизантийской философии истории. В нем автор мастерски раскрывает своеобразие элементов историзма в поздневизантийской историографии и политической мысли. Они, подобно западноевропейской схоластике, исходили из признания совершенного мирового порядка. Не вызывает сомнения также и гносеологическое и дидактическое значение, придаваемое византийцами изучению прошлого. Оно систематически наделялось восходящими к богословским идеям антропоморфизмом и антропоцентризмом. Ведущая же роль в политико-правовой доктрине принадлежала божественной прони.

На первый план в изучении особенностей поздневизантийского историзма выдвигаются проблемы познаваемости исторического прошлого, мотивации событий и нравственно-ценностной ориентации человеческой деятельности. Разрешение названных проблем путем анализа понятийно-категориального аппарата византийской философии, отражавшего представления о сущности, случае и случайности, свободе воли человека, судьбе и времени, выводит К.В. Хвостову за узкие рамки исследования стереотипов византийского мирозерцания. Исследовательница не ограничивается толкованием ментальности византийцев на основе реконструкции их обыденного самосознания и сравнительно-исторического подхода к изучению этого явления посредством сопоставления со средневековыми западноевропейскими образцами. Принципиальное значение приобретает всестороннее рассмотрение этических норм и психологических факторов социально-экономического и политического поведения византийцев. Оно побуждает автора к воссозданию поведенческой модели как специфической

формы понимания византийцами общественных процессов. Важно и то обстоятельство, что проделанный анализ позволил К.В. Хвостовой убедительно продемонстрировать противоречивость византийской культуры и цивилизации в целом. Ее основные черты раскрыты в ЗаклЮчении, где также содержится вывод о специфичности осмысления византийцами происходивших на их глазах явлений и событий, которая предопределена историческими условиями развития империи.

Такова концепция восприятия византийцами окружавших их реальностей, предложенная в книге К. В. Хвостовой. Конечно, ее публикации предшествовали многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, затрагивавшие отдельные аспекты этой сложной проблемы. Очевидная заслуга К.В. Хвостовой заключается в заполнении лакун и обобщении наших представлений о понимании визан-

тийцами современных им социально-экономических процессов. Систематизация этих представлений не просто означает целевое введение начал исторической психологии в византистику, но закладывает основы нового в ней направления. К.В. Хвостовой удалось, как нам кажется, найти оригинальное решение и вплотную подойти к проблеме византийской цивилизации. Постигание ее тайн на протяжении всей истории византиноведения совершалось посредством анализа особенностей "структур повседневности", быта и нравов византийцев, их духовного облика. Монография К.В. Хвостовой предполагает иной, вполне самобытный путь познания византийской цивилизации благодаря восстановлению норм деятельности и ее осмыслению членами изучаемой средневековой общности.

Ю. Я. Вин

Makk Ferenc. The Árpáds and the Comneni: Political Relations between Hungary and Byzantium in the 12th Century. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

Монография известного венгерского исследователя-медиевиста Ференца Макка "Арпады и Комнины: Политические отношения между Венгрией и Византией в XII в." посвящена одному из наиболее сложных, противоречивых, насыщенных событиями периодов в истории взаимоотношений двух средневековых держав. Сделав небольшой экскурс в предшествующий период, прежде всего, назвав причины, в силу которых в последней трети XI в., при короле Ласло I Святом, связи Венгрии с Византией были практически прерваны, основное свое изложение автор начинает с момента прихода к власти Кальмана (1095—1116). Выбор верхней хронологической границы (исследование доведено до смерти Белы III в апреле 1196 г., а не до падения Константинополя в 1204 г., как, быть может, ожидал бы читатель-византист) указывает на то, что Ф. Макк изучает поставленную им проблему главным образом в ракурсе истории венгерского государства. Действительно, везде, где это позволяют источники, он стремится выявить внутриполитическую подоплеку тех или иных шагов Венгрии и в отношении Византии, и в международных делах вообще. Следует отметить, что и внешнюю политику Константинополя автор стремится рассматривать в общем контексте положения империи при Комнинах, хотя подобные экскурсы, что вполне понятно, менее подробны и полемичны. Такое (широкое) толкование внешней политики в тесной связи с ситуацией в обществе и расстановкой сил в правящей элите можно считать одним из принципов, на которых основано исследование Ф. Макка.

Вторая весьма существенная посылка автора состоит в том, что историю взаимоотношений

Венгрии и Византии в этот период, сколь бы значимыми ни представлялись отдельные события и моменты, нельзя изучать вне контекста общеевропейской политики. Если отказать от подобного подхода или придерживаться его непоследовательно, что было характерно для некоторых венгерских авторов-предшественников Макка в историографии этой проблемы, "венгерский фактор" в политике Константинополя приобретал особую значимость, реальная же картина происходящего от этого безусловно страдала. Ф. Макку удалось убедительно показать, что практически никогда, даже в моменты открытых военных столкновений, венгерско-византийские отношения этого периода не были свободны от прямого или косвенного влияния со стороны других действующих "лиц" европейской политики того времени. Так, на "венгерскую" политику императоров из династии Комнинов на протяжении всего рассматриваемого периода оказывали влияние взаимоотношения Константинополя с Венецией, норманнским государством в Южной Италии, папством, далматинскими городами, ситуация в "славянских" владениях империи на Балканах. Развитие внешнеполитической линии Арпадов в отношении Византийской империи, в свою очередь, нельзя изучать, не принимая во внимание положение Венгрии среди ее славянских соседей — Чехии, Древнерусских княжеств, Польши, сербов.

Особо следует сказать о том влиянии, которое в XII в. оказывала Священная Римская империя как на формирование внешнеполитического курса Венгрии в XII в., так и на позицию Византии в европейских делах. Ф. Макк постоянно отмечает значение "германского" фактора в развитии венгерско-византийских отношений.